

Реабилитация души

УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ «АНГАРА СПАСЕНИЯ»: ПЕРВЫЕ ИТОГИ
ЭКСПЕРИМЕНТА ПО СОЦИАЛИЗАЦИИ БЕЗДОМНЫХ

Однажды оказавшись на улице, человек очень быстро выпадает из нормальной жизни. И чем дольше он бродяжничает, тем выше вероятность, что он уже не захочет или не сможет вернуться в семью, к домашнему очагу, к стабильной, устойчивой занятости. Кроме того, не стоит забывать, что среди бездомных присутствует определенная доля людей с психическими отклонениями. Однако среди подопечных ресурсного центра помощи бездомным «Ангар спасения», уже восемь лет действующего в структуре Православной службы помощи «Милосердие», есть большое количество тех, кто хочет и готов перестать бродяжничать. Им только надо помочь это сделать¹.

Как этого добиться на практике? Ведь в ежедневной рутине самого «Ангара» на Николоямской улице совершенно не до того: персонал там занят обыденной, часто самой неотложной и первичной помощью людям улиц. Поэтому год назад кандидатов с достаточным уровнем мотивации на разрыв с бездомностью собрали

в особом загородном реабилитационном центре. В Церкви этот опыт прецедента не имеет и продолжается в статусе пилотного проекта. Побывав на этом своеобразном подворье, корреспондент «Журнала Московской Патриархии» проанализировал промежуточные итоги этого начинания, познакомился с нынешним кон-

тингентом учреждения и узнал, какие еще «экстерриториальные филиалы» есть у московского «Ангара спасения».

Плюс-минус дисциплина

Дом № 83 стоит в самом центре обычной деревни в Павлово-Посадском районе. От калитки в высоком заборе — два шага до автобусной остановки, через дорогу — продуктовый магазин.

— Это, конечно, плохо, — сетует социальный работник реабилитационного центра Татьяна Залесская. — В идеале нам нужна загородная территория с минимумом посторонних соблазнов, в известном смысле удаленная от привычной цивилизации. Но найти пока удалось только это жилище, и то с большим трудом.

В воротах нас встречает упитанный кот Базиль (в отличие от остальных насельников, принятый сюда со статусом бездомного на бессрочное поселение) и внимательный охранник. Его, правда, называют здесь более нейтрально — дежурным. Работают эти люди посменно, всего их четверо. Их задача — круглосуточное обеспечение безопасности самих подопечных и поддержание общего порядка на территории, для чего в дежурной комнате на втором этаже оборудован пост видеонаблюдения. Кроме них, среди персонала центра четыре узкопрофильных специалиста по реабилитации: священник, психолог, аддиктолог (специалист по зависимостям) и соцработник. Они приезжают сюда по скользящему графику, составленному так, чтобы каждый день кто-то обязательно опекал бы насельников.

Новый двухэтажный бревенчатый сруб окружен средних размеров земельным участком. В глаза бросаются теплицы, небольшой птичник, крольчатник и столярная мастерская, помещение которой уставлено свеженькими изделиями, изготовленными руками самих реабилитантов, — креативными цветочными горшками и урнами для московского «Ангара спасения».

— Под снегом еще огород и кустарники, — рассказывает Татьяна. — В целом тесновато...

Арендовать загородный дом Православной службе помощи «Милосердие» удалось за сумму порядка сотни тысяч рублей в месяц. Даже с уче-

«Ангар спасения» — многофункциональный низкопороговый реабилитационный центр помощи бездомным Православной службы помощи «Милосердие». С 2014 г. располагается вблизи здания Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению (Москва, Николаямская ул., во дворе д. 55; e-mail: bez-doma-moskva@ya.ru, телефон дежурного: 8 (926) 158-07-58). Ежемесячно в «Ангаре спасения» фиксируется **около 12 тыс.** обращений. **Около 1,5 тыс.** человек за упомянутый промежуток времени пользуются возможностью помыться, **около 2 тыс.** обращаются за вещами. В среднем **10** посетителей «Ангара» ежедневно прибегают к помощи социального работника, то есть видят какие-либо перспективы выхода из бездомности. **3448** посетителей «Ангара спасения» за восемь лет смогли восстановить утерянные документы.

том площади земельного участка для Павлово-Посадского района это серьезные деньги. Но сюда входят отопление, электроснабжение и вывоз всех отходов; кроме того, здание практически с нулевым износом, а в бревенчатом срубе невероятно легко дышится (для проводших на улице долгие месяцы людей с далеко не блестящим физическим состоянием это очень важно). В течение первого года проект финансировался из средств президентского гранта, сейчас на это идут благотворительные средства, поступающие на счет службы «Милосердие».

На первом этаже внутри — небольшой кабинет для сотрудников, общая гостиная, душевая со стиральной машиной и кухня, она же трапезная. В гостиной возле красного угла с иконами аддиктолог Дмитрий Кузнецов начинает групповое занятие, поэтому мы уходим в комнату персонала, где Татьяна Залесская продолжает импровизированную экскурсию. Мое внимание привлекает большая доска со столбцами «плюс» и «минус».

— Дисциплина для реабилитантов очень важна, — объясняет Татьяна. — Не потому, что мы стремимся наказывать за любую провинность. Просто за время жизни на улице бродяги отвыкли от самоконтроля, а без него социализироваться практически невозможно. Именно поэтому мы редко разрешаем покидать территорию центра без сопровождения. А на этой доске фиксируем все значимые достижения и падения наших подопечных. К примеру, нахамил дежурному — минус. Помирился, попросив прощения, — плюс. Строго говоря, за три минуса мы вправе распрощаться

с насельником, и каждый из них это знает. Но до такой крайней меры все же стараемся не доходить.

А вот за примерное поведение реабилитанту могут позволить побывать дома — если у него есть маленькие дети и семья не против устроить свидание с папой. К сожалению, за год несколько получивших такое поощрение жителей центра не выдержали испытания и в реабилитационный центр не вернулись.

— Наказывать их никто за это не стал: насильно здесь не держат, приходят в реабилитационный центр и уходят из него по доброй воле, — пожимает плечами Татьяна. — Мобильные телефоны мы не отбираем, даже в интернет с компьютера заходить позволяем, правда, под контролем дежурного. Телевизор можно смотреть в свободное время. Но вот распорядок дня мы требуем соблюдать неукоснительно.

Именно поэтому подъем и отбой здесь общие и обязательны для всех. Порядок в помещениях насельники поддерживают самостоятельно, пищу готовят также сами (кроме завтрака, обеда и ужина, кстати, каждый в свободное время вправе зайти попить чай). Все

Из сотни прошедших через объект под Павловским Посадом бездомных два десятка человек из самых разных российских регионов уверенно вернулись к нормальной жизни, еще примерно столько же сейчас на адаптации.

это позволяет реабилитантам вспомнить обычную рутину, которая невероятно важна для избавления от синдрома постоянного стресса, в свою очередь выступающего серьезной помехой для социализации (каждый знает: забитому изгою гораздо труднее встроиться в коллектив, чем пускай и интроверту-индивидууму, но уверенному в себе человеку). Кроме трудовых послушаний, занятий в группах и личных собеседований со специалистами, непреложные пункты в режиме дня — утреннее и вечернее молитвенные правила (сильно сокращенные по сравнению с обычно приводимыми в молитвословах). Присутствовать на них обяза-

тельно, а вот как и насколько искренне молится каждый — его личное дело.

Синдром блудного сына

— Насильно к вере мы никого, конечно, не склоняем, а в центр из подопечных «Ангара спасения» отбирают отнюдь не только православных христиан, — рассказывает духовник реабилитационного центра штатный клирик московского храма во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла у Яузских ворот священник Олег Вышинский. — Поэтому с каждым из новичков я сначала провожу пару индивидуальных собеседований, в ходе которых выясняю, во-первых, его представление о христианстве и, во-вторых, в какой мере лично его можно назвать верующим человеком. Эти сведения позволяют мне составлять план групповых катехизаторских бесед.

Попадают на насельники с личным духовным опытом. Одних успели приобщить к православии в детстве, другие участвовали в таинствах в тюремных храмах, когда отбывали наказание. Таких людей я готовлю к исповеди, и они гораздо быстрее оттаивают душой. Но пока по моему опыту я вижу, что это скорее работа на перспективу: нескольких месяцев, которые экс-бездомные проводят в нашем центре, для полноценной глубокой катехизации и воцерковления недостаточно.

Несколько раз отец Олег совершал в центре таинство Соборования. К собственным недоработкам священник относит то, что до сих пор, к превеликому сожалению, не удалось организовать регулярное посещение насельниками храма. Обиднее всего, что Никольская церковь действует в соседнем селе. Но одних их туда отпускать нельзя по описанным выше причинам, а найти постоянных волонтеров, которые сопровождали бы группу утром в воскресные или праздничные дни на автобусе или на личном автомобиле, пока не получается.

К нашему путешествию по домовладению, освободившись от неотложных дел, присоединяется руководитель проектов помощи бездомным «Милосердия» Роман Скоросов. Он показывает пустующие жилые комнаты. Интерьер типичен для большинства реабилитационных центров, обстановка спартанская — двухъярус-

ные кровати, тумбочки, пара стульев, — но в то же время не лишенная домашнего уюта. Неожиданно замечаю, что на одной из кроватей без движения лежит человек.

— Саша² — новенький, только вчера прибыл, — объясняет Скоросов. — С новоселами, как правило, именно так и происходит: постоянная стрессовая обстановка, в которой они пребывали длительный промежуток времени, в нормальных условиях «догоняет» их и бьет по организму, обостряя все проблемы и хронические заболевания. Поэтому несколько дней мы вообще их не трогаем — даем возможность прийти в себя и психологически привыкнуть к дому и к своей комнате. Кстати, позавчера, когда мы оформляли его в Москве в реабилитационный центр, произошла трогательная история. На огонек заглянул Прохор Трофимов — один из первых воспитанников этого центра. Очень хорошо помню, каким он сюда поступил, — в гораздо более неприглядном по сравнению с Сашей состоянии: грязный, избитый, апатичный, лежал только ничком и почти ни с кем не разговаривал. Успешно пройдя все реабилитационные программы и восстановив документы, он поблагодарил нас, когда мы предложили подобрать работу, но... отказался: мол, сам с головой и с руками, дальше по жизни самостоятельно пойдет. Мы знали, что полгода назад он действительно трудоустроился, вер-

нулся к домашнему очагу. Первое время заходил в «Ангар спасения», а потом пропал. Мы немного переживали, но надеялись, что все у него в порядке. И вот позавчера Прохор наведлся в гости: обычный, почти среднестатистический москвич с мозолистыми руками, с первого взгляда и не скажешь, что чуть не сгинул на улице. Попросил проконсультировать по одной компьютерной программе. И когда мы помогли ему с интернет-регистрацией, он, услышав, что в реабилитационный центр оформляют новичка, буквально расцвел и стал его мотивировать так, как, наверное, никому не под силу: «Мужик! — чуть не плача от радости, буквально гладил он Сашу по голове. — Да ты сам не понимаешь, как тебе повезло! Ты вытащил по-настоящему счастливый билет в новую жизнь, так что запомни хорошенько этот день!» Хотя, конечно, далеко не у каждого выпускника все складывается гладко...

Не столь радужный, но тоже успешный пример реабилитации приводит Татьяна Залеская:

— Летом к нам пришел Серафим Доненко родом со Ставропольского края. Не закончив положенные программы, почувствовал в себе силы вернуться к нормальной жизни. Его мягко предупреждали, что рановато, а неподкрепленная вера в себя, скорее всего, иллюзорна. Но Серафим Григорьевич отмахнулся, довольно быстро нашел работу, а некоторое время спустя

снова пришел в «Ангар спасения». Отказалось, благополучно прожил три месяца, после чего сорвался, ушел в запой и быстренько вернулся к бродяжничеству. Еще раз приехал сюда. С самого начала и теперь уже до конца прошел положенные реабилитационные программы. Решил вернуться на Ставропольщину, где его были готовы взять электриком с официальным оформлением на работу. Конечно, это не столь хлебное место, как в Москве, зато оно гораздо адекватнее соответствует его квалификации и социальному статусу. Но главное, такой (пусть и не стопроцентно положительный) опыт — лучшая прививка от новых болезненных падений. А вообще, каждый срыв мы внимательнейшим образом анализируем. Такие случаи для нас отнюдь не провалы, а бесценные кирпичики общего опыта. Ведь здесь по сути продолжается беспрецедентный социальный эксперимент. Поэтому и от проживания подопечных в хостелах служба «Милосердия» отказываться пока не собирается.

Штучная работа

Тут уместно вспомнить, с чего церковные социальные службы начинали попытки ресоциализации подопечных бродяг. Опрашивая обращающихся за помощью мотивированных бездомных, социальные работники чаще всего слышали: «Нужна работа». При «Ангаре спасения» на Николаямской улице даже возникло подразделение, в котором волонтеры помогали составлять соискателям резюме и подбирали для них вакансии на веб-ресурсах. Но какой работодатель, особенно в большом городе, в здравом уме возьмет кандидата в буквальном смысле с улицы? Понятно, что речь шла либо не о совсем цивилизованных способах трудоустройства (и оплаты труда соответственно), либо о какой-то временной и нестабильной занятости.

— А кроме того, люди все равно продолжали обитать на улице. Поэтому служба помощи «Милосердие» сняла для таких подопечных комнату в хостеле, параллельно восстанавливая документы (тем из них, кому нужно) и продолжая разрабатывать программы реабилитации, — рассказывает Татьяна Залеская. — Возник даже подкаст «Выход есть», подробно освещавший эту деятельность. Но мешала выматывающая среда большого города: одни и те же дорожные маршруты, соблазны мегаполиса, привычный стресс и, конечно, прежние приятели-собутыльники. И однажды все жившие в хостеле подопечные покинули программу: просто ушли одновременно в запой. Мы поняли: проблема гораздо глубже, чем просто отсутствие жилья и работы. Взаимодействовать нужно именно с душой бездомного человека.

На тот момент у службы «Милосердие» был неплохой опыт летнего загородного лагеря, где скитальцев на свежем воздухе приучали к ежедневному ответственному труду. Поскольку у «Ангара спасения» в Подмоскowie появилось несколько дружественных фермерских хозяйств, эти формы работы попробовали объединить. Так возник следующий подготовительный этап, тесно связанный с работой на селе.

— Около десятка человек, — продолжает Залеская, — по возвращении оттуда продемонстрировали прекрасные результаты. У них

появилась четкая мотивация к труду и к возвращению в общество, да и чисто внешне люди изменились в лучшую сторону. Именно после того и оформился реабилитационный центр в его нынешнем виде.

— Вся процедура по возвращению в общество состоит из трех фаз, — объясняет Скоросов. — На первом этапе, который длится один-два месяца, мы оцениваем способность подопечного к самостоятельной жизни по шести комплексным параметрам: физическое состояние, трудовая деформация, психо-эмоциональная деформация, духовная деформация, социально-бытовая деформация, зависимости. Только потом начинается реабилитационный процесс по индивидуально разработанной программе. Работа эта штучная, типовой продолжительности пребывания в стенах центра просто не существует. Есть прогноз для каждого реабилитанта, но он далеко не всегда сбывается. Увы, сковывают дальнейшее развитие ограниченные возможности трудотерапии. К примеру, недавно меценат был готов подарить нам коз и баранов. К сожалению, от планов организовать собственный скотный двор пришлось отказаться: его просто негде разместить. Наконец, третий этап — адаптационный, он-то как раз и проходит в московском хостеле.

За первый год, признаются сотрудники центра, можно осторожно говорить о повышении качества реабилитации даже по сравнению с предшествовавшим периодом «фермерских лагерей» (к слову, приученные с детства к крестьянскому труду реабилитанты и сейчас там работают). Из сотни прошедших через объект под Павловским Посадом бездомных два десятка человек из самых разных российских регионов уверенно вернулись к нормальной жизни, еще примерно столько же сейчас на адаптации.

— Один из последних переведенных в хостел постояльцев — Юлий, редкий среди наших подопечных москвич, — рассказывает Залеская. — Взрослый, но крайне инфантильный человек с запредельным уровнем тревожности, что и привело его в итоге на улицу. Главный акцент в его реабилитации делался на психологические программы. После их завершения самостоятельно устроился работать в Сандуновские

бани, причем очень быстро. В его случае есть все шансы на успешную адаптацию, хотя требования к работодателю у него поначалу были завышены.

Алкоголики «без определенного места» и ветеран спецслужб из группы риска

Тем временем групповое занятие на первом этаже завершается. Попив чаю, насельники расходятся по ежедневным послушаниям. С некоторыми из них знакомлюсь накоротке. Родион — мужчина чуть старше средних лет с явными следами ударов судьбы на челе. Гена — бездомный-старожил с ампутированными от обморожения пальцами на ногах. Александр — парень с золотыми руками, после трехмесячного пребывания в центре поехал за документами и... сорвался: алкогольная зависимость пустила корни слишком глубоко.

Важно учитывать заниженный общий уровень мотивации у подопечных по сравнению с контингентом православных реабилитационных центров для алкоголиков и наркоманов. Там занимаются больше в группах, а мы индивидуально — с неподдельной любовью, участием, терпением, пониманием и, конечно, контролем.

— Работа с химическими зависимостями в нашем центре — одна из ключевых, — считает аддиктолог Дмитрий Кузнецов. — У одних эта пагуба приобретенная, возникла уже во время пребывания на улице (делают свое дело постоянный стресс, холод, влажный воздух: даже подсознательно, инстинктивно хочется расслабиться и согреться). Другие начали употреблять раньше, в прежней «цивилизованной» жизни. Методика работы по отношению и к тем и к другим в первом приближении одна и та же, даже отсутствие собственного жилья и бытовой устроенности подопечного ее сильно не видоизменяет. Что по-настоя-

щему важно учитывать — заниженный общий уровень мотивации у наших подопечных по сравнению с контингентом православных реабилитационных центров для алкоголиков и наркоманов. Там занимаются больше в группах, а мы индивидуально — с неподдельной любовью, участием, терпением, пониманием и, конечно, контролем.

На общем фоне алкогольной зависимости попадают среди реабилитантов и экзотические субъекты. Виталий Тимофеев стоит на пороге своего 60-летия. В конце прошлого века отмотал 10-летний срок в дальневосточной колонии. По освобождению — классическая история: семья растворилась в минувшем, жилья нет и не предвидится. С тех пор — классическое «лицо без определенного места жительства»: скитается по городам и весям, небольшие просветы в судьбе сменяются новыми периодами отчаяния и мрака.

— Недавно у меня родился сын, — делится Виталий Григорьевич. — Сейчас он уже ходит в детский сад. Мне иногда удается с ним видиться, часто его видео присылают. Документы у меня в порядке. Пытался работать на стройке, но от-

нялась рука: думаю, застудил. Здесь задачу свою вижу в том, чтобы собраться с силами и еще раз попытаться наладить жизнь.

А вот Федору Знаменскому жизненного оптимизма не занимать. Представившись ветераном засекреченного спецподразделения одной из силовых структур, он начинает сыпать такими подробностями, именами и фактами из недавнего политического прошлого, что подобный сюжет в пору продавать как готовый детективный киносценарий. Автор этих строк не может привести здесь даже малую толику рассказанного, потому что если это правда хотя бы в какой-то степени, то сведения, безусловно, проходят под грифом «совершенно секретно».

— А потом у меня случился сердечный приступ, и сосед по квартире украл мои личные документы, ключи и папку с оперативными данными, — эффектно ставит точку Федор Владимирович, надевая шапку и застегивая куртку. — Сосед сейчас в розыске, а мне тут документы помогают восстановить.

Послушание Знаменского — птичник. Его зона ответственности — два десятка несушек под предводительством петуха.

— Так мне это дело понравилось, что я уже подумываю, когда новые документы получу, домик в деревне купить и кур развести, — мечтает собеседник, споро прибираясь внутри приземистого строения.

— А деньги где возьмете? — интересуюсь я.

— Так зарплату-то мне в «конторе» по-прежнему начисляют!.. Только чтобы в деревне обязательно храм был. Утром на богослужение буду ходить, а потом к курам. Ну красота ведь, а!

Умиротворенный после сытого полдника кот Базиль трется о ногу Федора, соглашаясь со всем вышесказанным. Правда, Знаменский считает, что это он так подлизывается и выпрашивает недополученную порцию ласки.

Дмитрий АНОХИН
Московская область
Павлово-Посадский район

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в тексте использованы выводы социологического проекта «Исследование факторов, способствующих успешной трудовой интеграции и дальнейшей социальной реабилитации людей, оказавшихся на улице в результате трудной жизненной ситуации» (реализован в 2018–2019 годах Православной службой

помощи «Милосердие» при поддержке Фонда президентских грантов, заявка № 18-2-016357), см.: Ходаков В. Бездомные верят в Бога и в собственные силы // Журнал Московской Патриархии. 2020. № 6.

² Имена и фамилии постояльцев изменены.